

Владимир ХЮТТ

КАТЕГОРИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО СУЩЕСТВОВАНИЯ В ФИЛОСОФИИ ХАЙДЕГГЕРА И ПРОБЛЕМА ПОЛИДИСЦИПЛИ- НАРНОСТИ СОЗНАНИЯ

(К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ М. ХАЙДЕГГЕРА)

— А не надо никаких точек зрения!
— ответил странный профессор, —
просто он существовал, и больше
ничего. (...) И доказательств ни-
каких не требуется, — ответил
профессор и заговорил негромко,
причем его акцент почему-то про-
пал: — Все просто...

М. Булгаков

Вопрос о «простоте» существования Христа по М. Булгакову аналогичен проблеме существования в основном труде М. Хайдеггера «Бытие и время» (1927): «Единственное, чего хотела бы достичь мысль, впервые пытающаяся выговорить себя в «Бытии и времени», это что-то простое. Как простое, Бытие остается таинственным: прямая близость ненавязчивой силы»¹. Аналогия между художественным методом выдающегося советского писателя и феноменологическим подходом немецкого мыслителя не случайна: в обоих случаях удастся оригинальным образом высветить проблему (социального) бытия и, в частности, вопрос бытия и структуры человеческого сознания. В философии Хайдеггера онтология Бытия трактуется с позиций концепции «человеческого существования» (категория Dasein) таким образом, что открывается оригинальный неклассический подход к проблеме сознания. Это подход к сознанию в Бытии (а не к сознанию Бытия), к сознанию как к особому виду реальности — как к «осознанному бытию» (das bewußte Sein)².

Поэтому редакция журнала «Вопросы философии» справедливо оценивает воздействие М. Хайдеггера на европейскую и всю мировую философию как весьма значительное и характеризует его как виднейшего онтолога нашего века и создателя целого направления в герменевтике³. На наш взгляд, актуальность обращения к творчеству М. Хайдеггера определяется также новым подходом к проблеме сознания на междисциплинарной (полидисциплинарной) основе⁴ в связи с его концепцией «человеческого существования».

¹ Хайдеггер М. Письмо о гуманизме // Проблема человека в западной философии. М., 1988, 330.

² Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Соч., 3, 25. Этот момент «бытийности» сознания (т.е. его вхождение в структуру реального процесса жизни людей) оставался в тени с традиционной точки зрения сознания как эпифеномена, сопровождающего реальный процесс.

³ От редакции // Вопросы философии, 1989, № 9, 108.

⁴ Велихов Е. П., Зинченко В. П., Лекторский В. А. Сознание: опыт междисциплинарного подхода // Вopr. философии, 1988, № 11, 3—30.

1. Сознание в структуре бытия: актуальность обращения к Хайдеггеру

Потребность нового, полидисциплинарного подхода к вопросу о природе сознания обусловлена практическими задачами по преобразованию общественного сознания в эпоху перестройки. Требуется определить природу и пути формирования «действенного и действующего сознания». Дело в том, что традиционный подход к сознанию как к отражению оказывается односторонним. Реальное поведение и дела людей мало зависят от отраженных расхожих представлений о том, «что такое хорошо и что такое плохо». Возникает вопрос: «почему от «критики словом» общество так трудно, медленно и вяло, с какой-то внутренней неохотой переходит к «критике делом», к реальному обновлению всего своего жизнеустройства?»⁵

И все-таки вся деятельность человека происходит с участием сознания, но это действенное и действующее сознание находится где-то значительно глубже уровня представлений и даже знаний. Именно этот слой сознания К. Маркс называл по-разному — «вплетенное в непосредственный язык реальной жизни», «духовно-практическое освоение действительности», «мыслительные формы практического общения». Первоначальное сознание «вплетено в материальную деятельность и материальное общение людей, в язык реальной жизни»⁶. Отголоски такого первоначального единства сознания и бытия зафиксированы в философской системе Парменида (VI в. до н. э.). В современном сознании различаются два слоя: рефлексивный (отношение к действительности) и бытийный (отношение в действительности, нечто работающее, «участное в бытии» (М. М. Бахтин)). «Выделение бытийного слоя в сознании необходимо в связи с невозможностью описания многих актов поведения и деятельности на основе сознательного присутствия в них индивидуального субъекта и воли»⁷.

Самостоятельность бытийного слоя сознания с материалистических позиций впервые проанализировал К. Маркс на основе своего предметно-редуктивного метода рассмотрения феноменов сознания⁸. Рассматривая становление и развитие системы капиталистических отношений в качестве т. н. системы с рефлексией (т. е. такой, в которую сознание включается как собственный внутренний элемент), он выделяет три сферы «работы» с участием сознания. Первая сфера — первичный всеобщий общественный характер производственной деятельности общественного человека «во всей чистоте». При этом единство различных видов труда и их взаимная дополняемость существуют вне индивидов и независимо от них как «непосредственно общественные отношения самих лиц в их труде»⁹. Вторая сфера — исторически обусловленная особенная сфера меновых отношений, в которой действительное движение приобретает «превращенную форму» товарного фетишизма. И третья — рефлексивная — сфера отражения процессов первой и второй сфер в сознании реальных индивидуальных субъектов всего процесса. В первых двух сферах сознание участвует в конструировании

⁵ Любомирова Н. В., Межуев В. М., Михайлов Ф. Т., Толстых В. И. Перестройка сознания и сознательная перестройка // *Вопр. философии*, 1989, № 4, 28.

⁶ Маркс К., Энгельс Ф. *Немецкая идеология*, 24.

⁷ Велихов Е. П. и др. *Сознание: опыт междисциплинарного подхода*, 5.

⁸ «Уже в той трактовке сознания, которую дает Маркс на примере «товарной» модели в «Капитале», можно обнаружить и развернуть намеченные выше черты общего марксова подхода. Его можно было бы назвать безличностным (или редуктивно-предметным) анализом сознания и культуры» (*Мамардашвили М. К. Анализ сознания в работах Маркса* // *Вопр. философии*, 1968, № 6, 17).

⁹ Маркс К. *Капитал*, I // *К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч.*, 23, 83. Далее до конца первого раздела цитаты из «Капитала» даются без сносок, страницы указаны в скобках.

социальной реальности в неотрефлектированном виде, как бы «за спиной» субъекта: «Законы товарной природы проявляются в природном инстинкте товаровладельцев» (с. 96).

Именно во второй сфере результаты «бытийной» деятельности сознания кристаллизуются в виде особой квазипредметности: наряду с непосредственно данными вещами образуются «рефлектированные» вещи (как, например, меновая стоимость) (с. 44, прим. 4); «объективные мыслительные формы» (с. 86); идеальные формы, существующие «хотя и невидимо, в самих этих вещах» (с. 105), т. е. в товарах. Характерно, что для обозначения этих реально-идеальных феноменов Маркс употребляет особый термин — *idelle*, но не *ideale*, который оставляется для характеристики осознанных, рефлектированных формообразований сознания в виде знаний, представлений и других видов отраженного бытия. (В русском переводе эта разница элиминирована однозначным переводом «идеальное».)

Анализируя законы образования этой квазипредметности у Маркса, М. К. Мамардашвили отмечает целый ряд механизмов (срастание, смещение, инверсия, сгущение) опредмеченности «работы сознания» в квазипредметности. Редуктивный анализ этих механизмов позволяет раскрыть характеристики и специфику «бытийных форм» сознания вплоть до их идеологического выражения в обыденном, квазинаучном и научном сознании: «Прежде чем человек осознал, например, стоимость как сверхчувственное свойство природного тела продукта труда, произошли эти преобразования — срастание, смещение, инверсия, сгущение и т. п., то есть «сработала» игра социального механизма, замещающего реальность видимыми, квазипредметными образованиями. И потому, что они произошли, человек осознал стоимость как таковое свойство»¹⁰.

На основе своего редуктивно-предметного способа анализа Маркс впервые на материалистической основе выявляет фундаментальную характеристику сознания: непосредственную несводимость к знанию и другим рефлектированным формам осознания реальности бытийно опредмеченных формообразований реального бытия («бытийствования») самого сознания. Этим устанавливается принцип самостоятельной бытийности сознания задолго до его современных формулировок в феноменологии и экзистенциализме¹¹. Принцип формулируется Марксом в связи с объяснением того обстоятельства, что открытие истинной сути господства отчужденной формы товарных отношений как стоимостей «отнодь не рассеивает вещной видимости (в оригинале «опредмеченной видимости», *den gegenständlichen Schein*) общественного характера труда» (с. 84). Общественный характер частных, отдельных форм труда заключается в их равенстве как человеческого труда вообще, абстрактного труда. Но осознается это обстоятельство в виде меновых отношений товаров. Это осознание проецирует на фетишистские отношения «характер непреложности» (с. 86), придает им «прочность естественных форм общественной жизни» (с. 85). Но для самих людей, «захваченных отношениями товарного производства, эти специальные

¹⁰ Мамардашвили М. К. Анализ сознания, 21. Дальнейшую характеристику этих форм сознания см.: Классен Э. Г. Категория «идеальное» в работах К. Маркса // *Вопр. философии*, 1987, № 10, 80—86.

¹¹ «В этом смысле сознание стало, если можно так выразиться, «бытийствовать» в марксизме задолго до появления любого экзистенциализма и феноменологии. Эта особенность понимания сознания занимает вообще важное место в марксизме» (Мамардашвили М. К. Анализ сознания, 22). Современные феноменологи считают, что только и именно Гуссерль продемонстрировал «острое ощущение автономности феноменов сознания» (Marbach, E. How to study consciousness phenomenologically or quite a lot comes to mind // *J. Brit. Soc. Phenomenology*, 1988, 19, N 3, 252) и далее, что редуктивный метод понимания объективированных формообразований сознания является «самой отличительной чертой феноменологии Гуссерля» (Stöcker, E. Husserl and philosophy of science // *J. Brit. Soc. Phenomenology*, 1988, 19, N 3, 227).

особенности последнего — как до, так и после указанного открытия — кажутся имеющими всеобщее значение, подобно тому, как свойства воздуха — его физическая телесная форма — продолжают существовать, несмотря на то, что наука разложила воздух на его основные элементы» (с. 84). Поэтому форма проявления «бытийной» работы сознания получает в квазипредметностях товарного фетишизма самостоятельное сущностное значение и жизнь. Она как бы выражает и представляет саму себя, свою собственную первичную «жизнь» и играет роль самостоятельного механизма реализации реальных общественных процессов, несмотря на всю свою разоблаченную научным познанием видимость и даже ложность.

В свете принципа самостоятельной феноменальной бытийности сознания становится понятным то обстоятельство, что социально укоренившиеся таким образом идеи и представления невозможно элиминировать простой просветительской критикой (так сказать, заменой их знанием). Наоборот, даже будучи осознанными в качестве ложных, эти идеи продолжают функционировать в качестве активных социальных звеньев общественных структур¹².

Другим важным для нашего дальнейшего исследования открытием Маркса явилось обнаружение им того факта, что сознание — включенное в структуру социальной реальности и «работающее» в ней — не поддается исследованию в рамках классической дихотомии субъектно-объектного отношения. Такое сознание не есть созерцающее сознание, объясняемое с точки зрения классических гносеологических позиций в традициях классической немецкой философии и «гносеологической робинзонады». Это есть особое, включенное в социальное бытие, действительное и действующее сознание, вплетенное в непосредственный процесс реальной жизни. Поэтому при анализе этого сознания Маркс «вообще отказывается в этой области от традиционного отношения «объект — субъект», показывая, что «противопоставление «материального» и «духовного» в этом плане мало что может дать»¹³.

¹² Дополнительные характеристики функционирования подобного рода образований сознания можно выявить при анализе художественно-словесного творчества великих писателей. Так, в романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита» блестяще показаны механизмы устойчивости и «убедительности» извращенного и фантастического мира, созданного Воландом и его свитой. Четко обозначены условия особой «убедительности» обращения к мистике («Конечно, когда люди совершенно ограблены, как мы с тобой, они ищут спасения у потусторонней силы!» — звучит весьма актуально высказывание Мастера). Далее, когда в конце концов «выясняется», что все чудеса сфабрикованы шайкой гипнотизеров (которые могли «показывать себя не в том месте, где они на самом деле находились, а на позициях мнимых, смещенных. Помимо этого, они свободно впускали столкнувшимся с ними, что некие вещи или люди находятся там, где на самом деле их не было, и наоборот, удаляли из поля зрения те вещи или люди, которые действительно в этом поле зрения имелись» (Булгаков М. Мастер и Маргарита. Таллинн, 1989, 470)), то ни для читателя, ни для персонажей волшебный мир Воланда не становится менее реальным (см. об этом последние страницы романа). Кстати, не эти ли «мнимостями и смещенностями» «на полном серьезе» занимаются современные наши экстрасенсы? Как бы там ни было, но один вывод представляется несомненным. Это вывод о том, что философский анализ словесно-художественного творчества великих писателей является (относительно новым для нас) эвристическим источником методологических идей и принципов при изучении (междисциплинарном) глубинных уровней сознания. Недавно на эту тему в Тбилиси защищена докторская диссертация по философии; см.: *Долидзе М. Г.* Дополнительность как общефилософский принцип. Тбилиси, 1989.

¹³ *Мамардашвили М. К.* Анализ сознания, 22. Здесь же, оценивая «феноменологические» открытия Маркса, автор пишет: «Дело просто в том, что Маркс открывает феноменологическую природу сознания, его на деле квазипредметный характер и вводит абстракцию, позволяющую анализировать сознание объективно как превращение предметов в квазипредметные образования, отвлеченно от процессов, происходящих во внутреннем мире субъекта» (там же, 18). Таким образом, эти открытия Маркса могут служить методологическими вехами при дальнейшем анализе феноменологических изысканий М. Хайдеггера.

Новый, неклассический, подход к анализу сознания в бытии, развитый Марксом, оказывается (наряду с принципом феноменологичной самостоятельности сознания) созвучным тем тенденциям исследования сознания, которые лежат в основе концепции Хайдеггера о привилегированном положении человеческого существования в его концепции бытия.

2. Идеиные истоки категории Dasein

В разработке понятия человеческого существования (выраженного категорией Dasein) М. Хайдеггер опирался, с одной стороны, на феноменологическую методологическую традицию в исследовании явлений сознания от Больцано, Дильтея до Гуссерля, а с другой — на древнегреческую философскую традицию (вернее, ее весьма своеобразную интерпретацию) трактовки соотношения бытия и сознания (мышления) у досократиков, особенно у Парменида.

2.1. О понятии феномена и феноменологическом методе

В рамках феноменологического направления исследований феноменом называется такое явление, за которым (в противоположность обычной философской традиции) не предполагается наличие какой-либо сущности. Эта сущность или «забыта» (т. е. находится за-бытием, не имеет отношения к делу), или ее реконструкция неадекватна и невозможна. Поэтому феномен в отличие от явления имеет самостоятельное онтологическое существование и значимость. М. Хайдеггер возводит значение этого понятия к древнегреческому глаголу *phaino*, что означает «самое себя показывать», «делать себя видимым», «ставить в свет бытия», «делать себя открытым». Понятие «феномен» означает «себя-из-самого-себя-показывающее» (*das Sich-an-ihm-selbst-zeigende*)¹⁴. Однако эта открытость бытия зачастую маскируется видимостью (*Schein*), ибо «истина любит скрываться». Поэтому «сокрытость служит противоположным «феномену» понятием» (с. 36).

Под феноменологической природой сознания К. Маркс понимал существование такого внутреннего слоя сознания, который в противоположность рефлектированному, осознаваемому слою скрыт идеологической видимостью и обнаруживается в качестве феномена при редукции от привносимых внешних моментов. При этом даже «... важен отказ от посылки существования некоторого предустановленного мира с готовыми законами и сущностями не в том смысле, что мира нет вне нас, а в том, что мы для анализа некоторых проявлений человеческого сознания и деятельности должны анализировать мир иначе»¹⁵. При этом могут быть получены такие характеристики сознания, которые иным способом обнаружить невозможно. «Феноменальность» сознания в этом смысле выступает в качестве особого объекта теоретической реконструкции — оно непосредственно не дано субъекту, т. е. не может быть объектом физической констатации, констатируется только по «следам» предметной деятельности, не может быть предметом естественных наук. (Поэтому, в частности, в курсе философии нет раздела «теория сознания».)

Открытие феноменологической природы сознания позволяет объяснить идею Энгельса о геоцентрической природе основ нашего научного

¹⁴ *Heidegger, M. Sein und Zeit. Tübingen, 1967, 28.* В дальнейшем ссылки на эту основополагающую работу М. Хайдеггера будут даваться в тексте с указанием страницы по этому изданию.

¹⁵ *Мамардашвили М. К. Классический и неклассический идеалы рациональности. Тбилиси, 1984, 64.*

знания («Для нас возможна только геоцентрическая физика, химия...»¹⁶). В феноменологии эта идея получила специфическую разработку в концепции «жизненного мира» Гуссерля. Дело в том, что в силу нашего положения в качестве макроскопических субъектов («наблюдателей») некоторые устойчивые, неразложимые далее и даже независимые от «света науки» представления и образы (типа «неподвижная Земля» или «евклидово твердое тело») служат незыблемым базисом всего нашего научного знания. В современной науке этот принцип получил название принципа Бора: «...как бы далеко ни выходили явления за рамки классического физического объяснения, все опытные данные (без которых невозможна физическая теория. — В. Х.) должны описываться при помощи классических понятий»¹⁷. Черты феноменологического метода проникают в современную методологию науки. Так, концепция дополнительности Бора являет собой существенные черты этого метода именно в силу специфики познания квантовомеханических явлений (ведь задача состоит в том, чтобы познать то, что нельзя адекватно представить!).

В методологии Бора квантовомеханическое явление рассматривается как феномен: при постановке опытов и описании явлений квантовомеханического типа исследование сталкивается с совершенно своеобразной, необычной чертой индивидуальности квантовых процессов (т. н. квантовый постулат¹⁸). Постулат выражает невозможность более подробного анализа взаимодействия между микрообъектом и прибором, как бы «запрещает» подставлять под феномен какую-либо «сущность» классического типа. Объяснение квантовомеханического явления как феномена состоит не в сведении его к какому-либо «механизму», за ним стоящему, но в построении теории нового типа и ее интерпретации (концепция дополнительности). Аналогичным образом К. Маркс объясняет феномены «объективных мыслительных форм» товарного фетишизма: он не подсовывает под них некую сущность, которую они якобы отражают, но реконструирует весь действительный процесс социального движения, в котором эти опредмеченные феномены сознания выступают в ряду необходимых связующих элементов и компонент самого этого процесса.

Таким образом, феноменологический метод имеет своей основой относительную самостоятельность, цельность и независимость явлений «бытийного сознания» (как в процессе познания, так и в процессах деятельности), что требует особой постановки всего процесса исследования. В частности, такая постановка осуществлена М. Хайдеггером при интерпретации проблемы тождества мышления и бытия в философской системе Парменида.

2.2. Тезис Парменида и его интерпретация

Философская система Парменида, главы древнегреческой школы элеатов, является первой из дошедших до нас из глубин веков. Для темы статьи особую важность представляет то, что в этой системе впервые в древнегреческой философии явным образом ставится проблема соотношения бытия и мышления. Основное произведение Парменида «О природе», написанное гекзаметром (как поэмы Гомера), в своей главной части (где речь идет о мире истины, или разума) дошло до нас почти целиком. Это дало возможность оценить систему Парменида как философскую революцию — открытие «мира Разума», т. е. чистой рациональности и законов движения мысли в нем.

¹⁶ О негеоцентрической точке зрения см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 20, 552—554.

¹⁷ Бор Н. Дискуссии с Эйнштейном по проблемам теории познания в атомной физике // Избр. научные труды, II. М., 1971, 406.

¹⁸ Там же, 406—407; см. также 30, 183 и др.

Важнейший для нашей проблемы тезис Парменида в оригинале выглядит так:

To gar auto poein estin te kai einai, что обычно переводится на русский язык «мышление и бытие одно и то же»¹⁹.

В результате многочисленных интерпретаций и исследований данного тезиса Парменида установлено, что в нем вовсе не утверждается, что для древнего философа мыслить означает то же самое, что и существовать. Скорее мы здесь имеем дело с пониманием мышления в соответствии со спецификой языка и культуры. Это особое понимание мышления проецируется на нашу культуру в качестве проблемы идентификации «Бытия с внимающим (vernehmend) пониманием Бытия» (с. 212). Действительно, в другом месте поэмы Парменид разъясняет смысл своего тезиса в том духе, что «одно и то же есть мысль и то, о чем мысль существует», т. е. что мысль и содержание мышления вместе относятся к сфере бытия (ведь основной постулат его философии — знаменитое «бытие есть, а небытия нет вовсе» — отрицает за небытием всякие претензии на реальность). Дело заключается в том, что в древнегреческом языке глагол ποειν (мыслить) употребляется в особом смысле. Согласно словоупотреблению, мыслить ложно вообще невозможно (для выражения ложных мнений употребляются другие глаголы). Мыслить — означает «схватывать» истинное положение дел, «зреть истину», находиться в ситуации верного постижения реальности. Так, у Гомера в «Илиаде», когда Елена распознает в облике «древлорожденной старицы» богиню Афродиту и все происходящее как бы озаряется для нее светом истины, ситуация характеризуется глаголом ποειν как «узрением истины» (Илиада, 3, 396). Таким образом, «мыслить» для древних греков означает постижение истинного положения дел «глазами разума», нахождение в ситуации верного постижения реальности*.

С современной точки зрения такое понимание мышления (сознания) как «онтологически укорененного» означает, что «это некое невербальное состояние активности в момент здесь и сейчас, бытийствующее внутри исполнения своего же бытия»²⁰. Так, к примеру, музыка существует в момент ее исполнения.

Для М. Хайдеггера анализ парменидовского понятия мышления служит существенной предпосылкой понимания сознания в контексте концепции «человеческого присутствия», т. е. специфической трактовки способа бытия человека. Согласно ему, Парменид в своем тезисе впервые открывает особое бытие — такого рода существование, которое способно иметь воспринимающее отношение к открытости (истине) бытия. Восприятие ситуации означает осуществление «состояния упорядоченности», реализацию ситуации структурированной осмысленности положения дел

¹⁹ *Маковельский А. О.* Досократики, ч. II (элеатовский период). Казань, 1915, 6. В виду важности темы приведем другие переводы специалистов по досократовской философии: «Одно и то же есть мысль и бытие» (*Дьянник А.* Гераклит Эфесский. Фрагменты. М., 1937, 5.). Канонический перевод Г. Дильса: „Denn (das Seiende) denken und sein ist dasselbe“ (*Diels, H.* Die Fragmente der Vorsokratiker, erster Band. Vierte Auflage. Berlin, 1922, 152). “It is the same thing that can be thought and that can be” (*Cornford, F. M.* Plato and Parmenides. London, 1939, 34). “For it is the same thing that can be thought and can be” (*Guthrie, W. K. C.* A History of Greek Philosophy, II. Cambridge, 1969, 14). “For the same thing can be thought and can exist” (*Taran, L.* Parmenides. Princeton, 1971, 41). М. Хайдеггер посвятил целые страницы своих произведений исследованию одного этого предложения, см.: *Heidegger, M.* An Introduction to Metaphysics. New York, 1961, 116—172; *Heidegger, M.* Sein und Zeit, 212—230). Классификацию различных переводов см.: *Чанышев А. Н.* Итальянская философия. Изд-во МГУ, 1975, 168—169.

* Советский исследователь С. Я. Лурье восстанавливает следующее изречение Демокрита: «Что кто-нибудь ни помыслит, все существует» (*Лурье С. Я.* Демокрит. Л., 1970, 223).

²⁰ *Мамардашвили М. К.* Проблема сознания и философское призвание // *Вопр. философии*, 1988, № 8, 43.

в некотором объективном смысле. Поэтому «воспринимающее приведение-в-состояние (zum Stehen bringen) есть то, что подразумевается под *poiein*»²¹. Согласно М. Хайдеггеру, парменидовское мышление, понимаемое как вид бытия, не есть некая субъективная рефлексия человека, но «скорее процесс, благодаря которому человек впервые входит в историю как сущее, как бытие, т. е. в точном смысле слова — возвышается до бытия»²². Следовательно, в парменидовской максиме сущность человека впервые определяется в качестве вырастающего из Бытия особого вида (модуса) самого Бытия. Такая несколько искусственная и труднопони-маемая интерпретация тезиса Парменида позволяет М. Хайдеггеру обосновать историко-философски свою последующую концепцию привилеги-рованности бытия человека, выраженную категорией *Dasein*.

2.3. Понятие истины в древнегреческой философии и трактовка Хайдеггера

Трактовка Хайдеггером понятия истины у древних греков зиждется на интерпретации им проблемы мышления и является существенной для его концепции «человеческого присутствия» (сущностной характеристикой *Dasein* служит его самоопределение в качестве «стояния в Истине и в не-Истине»).

Анализ понятия истины начинается с наблюдения того обстоятельства, что как в языке, так и концептуально древние мыслители (и греки в частности) сближали до отождествления истину с действительностью, с реальным положением дел. Так, в древнегреческом языке слово *altheia* (алетейя) имеет два понятия: 1) правда, истина (на дорийском диалекте, на котором говорили и писали многие первые философы) и 2) действительность, подлинность²³. И это не случайность. Это обусловлено концептуально, сближением мышления с (истинным) бытием. М. Хайдеггер по-своему доказывает это анализом знаменитого символа «пещеры»²⁴. Узники в пещере посажены так, что они могут видеть лишь тени действительных вещей, принимая эти тени за сами вещи. Но узника могут поколебать в этой уверенности, «когда ему начнут говорить, что раньше он видел пустяки, а теперь, приблизившись к бытию (выделено мною. — В.Х.) и обратившись к более подлинному, он мог бы обрести правильный взгляд»²⁵. Узнавание истины М. Хайдеггер трактует как приближение к подлинному бытию, которое обычно сокрыто от умственного взора (истина для древних «лежит в пучине», «на дне колодца», «любит скрываться»). Далее М. Хайдеггер заключает: «Поскольку для греков скрытность, как самоскрытие сущности бытия, первоначально господствует и потому сущее в его пребывании и доступности («истине») устанавливает, постольку для них само слово, означающее для римлян «*veritas*», а для нас «истина», обозначается посредством приставки *a* («не»): не-сокрытость (*a-letheia*). Истина первоначально обозначает несокрытость сущего»²⁶. Удивительно, что до М. Хайдеггера этому языковому феномену (истина как «не-сокрытость»: древнегреческое *a* = «не»; Лета — река забвения, ср. «кануть в Лету») никто не придавал значения! Но как раз в нем сказывается «мудрость» самого языка (примечательно, что именно на древнегреческом языке впервые, ни у кого не заимствуя, заговорила философская мысль).

Последующие мыслители (Платон и Аристотель) начинают уже отходить от первичного понимания истины (как особого рода открытости

²¹ Heidegger, M. An Introduction to Metaphysics, 116.

²² Там же, 119.

²³ Дворецкий И. Х. Древнегреческий словарь, ч. I. М., 1958, 77—78.

²⁴ Платон. Государство // Соч., 3, ч. I. М., 1971, 321—324.

²⁵ Там же, 322.

²⁶ Heidegger, M. Platons Lehre von der Wahrheit. Bern, 1947, 32.

Бытия). Хотя анализ, проведенный М. Хайдеггером, показывает, что Аристотель зачастую как бы «сбивается» на трактовку истины в качестве «истинного обстояния дел», «истинной действительности»²⁷. Кстати, и К. Маркс в подготовительных рукописях к «Капиталу» отмечает, что некоторые отношения «предстают... в их истине, т. е. в универсальной реальности»²⁸.

Таким образом, толкование первоначального единства бытия и мышления (бытия и истины) в русле древнегреческого мышления позволяет М. Хайдеггеру в дальнейшем обосновать оригинальное «измерение» человеческого бытия — конституирование «закрытости-открытости» бытия, нахождение себя в его (бытия) истине-ложности: «Истинностное бытие в качестве открытости бытия есть способ бытия человеческого существования» (с. 220). Этим отмечается онтологический приоритет Dasein.

Далее, новое освещение получает и знаменитая в истории досократиков «загадка Парменида». Суть «загадки» состоит в констатации того факта, что Парменид развивает свою философскую систему двояким образом (в двух частях своей философской поэмы «О природе»): первый раз он излагает верный, истинный взгляд («путь истины»), а второй — так же обстоятельно и скрупулезно — совершенно противоположный взгляд — «ложные мнения смертных», доха («докса»). Причем непонятой остается взаимосвязь двух «путей» — истины и ложного мнения («алетей» и «докса»). С точки зрения М. Хайдеггера, оба пути просто маркируют онтологическую привилегированность человеческого способа бытия: «Dasein есть первоначально в Истине и не-истине» (с. 223).

Для развиваемой в данной статье точки зрения важно, что различение и противопоставление Парменидом «двух путей» мысли, т. е. «истинного» и «ложного» сознания, означает первое историко-философское разграничение двух типов сознания «бытийного» и рефлексивного и установление сложных отношений между ними²⁹.

3. Концепция Dasein и проблема сознания

В одной из своих работ М. Хайдеггер специально предупреждает, что основное понятие «Бытия и времени» — категория Dasein — нетождественно сознанию. Понимание этой категории просто в смысле замены слова «сознание» означает разрушение самой идеи произведения³⁰. Поэтому соотношение категории «человеческого присутствия» с понятием сознания представляет особую проблему. Ниже мы постараемся показать те новые подходы к онтологической проблематике сознания, которые связаны с концепцией Хайдеггера.

3.1. Введение понятия Dasein Хайдеггером

Хайдеггер начинает с анализа вопроса о бытии как таковом (почему скорее существует бытие, чем небытие?). Для Парменида понимание

²⁷ Так, специалисты отмечают, что аристотелевская «концепция, стоящая за сочетанием *orthos logos*, выражает тезис о тождестве бытия и мышления, окрашенный античным рационалистическим оптимизмом: мир вполне разумен, и человек рационален в меру разумности мира» (Брагинская Н. В. Примечания переводчика // *Аристотель*. Соч., 4. М., 1984, 702).

²⁸ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 46, ч. I, 8.

²⁹ Нашу интерпретацию «загадки Парменида» на основе идей концепции дополнительности (и «в духе дополнительности») Бора см.: Хютт В. П. Концепция дополнительности и проблема объективности физического знания. Таллинн, 1977, 21—24.

³⁰ Heidegger, M. *The way back into ground of Metaphysics* // *Existentialism from Dostoevsky to Sartre*. Cleveland—New York, 1964, 213.

слова «быть» не вызывало затруднений, но уже Платон сокрушается о «смутности» этого понятия (см. диалог «Сефист», 244а). Действительно, всем известно, что вещи существуют, но в чем заключается их бытие? Аристотель устанавливает, что бытие не является некоторой вещью среди других вещей и даже не есть родовое определение для всего сущего — всеобщность понятия бытия превосходит любые родовые определения сущего³¹. И далее эта философия в понимании бытия собственно не пошла — это, якобы, «само собой разумеющееся», пустое или всеобщее понятие.

Дальнейшему разъяснению вопроса может отчасти помочь лингвистический анализ слова «быть» в языке. Действительно, анализ, проведенный М. Хайдеггером, показал, что в словах «бытие», «быть» в различных языках содержится иное отношение к существованию, чем в отношении других слов к их денотатам. Более того, М. Хайдеггер делает открытие, что, собственно говоря, «бытие» не есть понятие! «Во всех своих флексивных модусах слово «бытие» несет существенно иное отношение к самому бытию, чем другие существительные и глаголы языка к выражаемым им вещам»³². Это слово предустанавливает саму возможность речи, «говорения» о чем-либо и выходит из сферы собственно предмета лингвистики в реальность процесса речеполагания. Этим конституируется особый момент фактичности мышления (сознания) (см. п. 3.3).

Далее М. Хайдеггер осуществляет «феноменологический поворот» в исследовании проблемы бытия. Проводится четкое противопоставление сущего и Бытия (именно в этом противопоставлении Бытие полезно писать на русском языке с заглавной буквы). В чем состоит Бытие сущего, существующих вещей, предметов? Обращая внимание на сам вопрос, М. Хайдеггер «доставляет» ситуацию до полноты ее фактической реализации: есть вопрос, следовательно, есть ситуация вопрошания и... сам вопрошающий. Это по сути случайное обстоятельство нацеливает наше внимание на особый вид сущего (существующего, наличного) — на то, которое может вопрошать или как-то относиться к другим сущим. «Это сущее, к которому принадлежим мы сами и которое среди других имеет и возможность вопрошания, такое сущее мы терминологически маркируем как *Dasein*» (с. 7). Это «человеческое сущее» выделено из прочих «подручных» существований в первую очередь потому, что только оно может ставить вопрос о смысле бытия и, более того, только с этим впервые входит в мир (в мире реализуется) нечто совершенно уникальное — смысл Бытия. (Ведь остальное само по себе сущее — включая царство животных — не имеет смысла и не придает его ничему.)

Такой трактовке смысла Бытия соответствует древнегреческое понимание и восприятие действительности. Советские специалисты подчеркивают, к примеру, что упомянутый выше аристотелевский концепт *orthos logos* адекватно передается выражением «здравый смысл», причем «здравый» характеризует не только человека, но и совершенство, законченность, упорядоченность состояния мира, а понятие «смысл» передает «не только человеческое понимание вещей, но и сам мир как смысл (выделено мною. — В. Х.), не зависящий от осмысливающей деятельности человека»³³.

³¹ Аристотель. *Метафизика* // Соч., 1. М., 1976, 108.

³² Heidegger, M. *An Introduction to Metaphysics*, 74. Известный советский философ определенно утверждает, что изначальная особенность «понятия есть» состоит в том, «что оно не есть понятие... оно «само по себе» беспредметно» (*Бородай Ю.* *Воображение и теория познания.* М., 1966, 50).

³³ Брагинская Н. В. *Примечания*, 702.

Далее М. Хайдеггер подчеркивает привилегированность этого нового вида сущего. «Человеческое существование» выделяется в онтическом (т. е. в ряду других «обычных» сущих) и онтологическом (т. е. в своей причастности к Бытию) смыслах. В онтическом смысле привилегированность Dasein состоит в том, что оно не подчинено физическим причинным связям (в частности, может само решать вопрос о своем существовании или несуществовании), т. е. не стоит в одном ряду с предметами. В онтологическом смысле привилегированность определяется тем, что сама суть существования Dasein определена онтологически — только человеческое существование может иметь и реализует отношение к Бытию. Самое основное при понимании Dasein (и М. Хайдеггер не устаёт постоянно подчеркивать это) — не сползти на позиции субъективизма. Известный советский философ К. С. Бакрадзе решительно отмечал, что своеобразная философская позиция Хайдеггера «просто не имеет ничего общего с «принципиальной координацией» Авенариуса»³⁴, противоположна точке зрения классического субъективного идеализма вообще. Основные глубинные характеристики Dasein — это объективные характеристики человеческого бытия, такие как «бытие-в-мире» и другие «экзистенциалы» (по Хайдеггеру).

3.2. Проблема Бытия и позиция Человека

Суть категории человеческого существования (Dasein) наиболее четко характеризуется следующим образом:

«Чтобы схватить сразу и в одном слове существо человека, а также сущностное отношение человека к открытости («Вот») бытия как такового, названием сущностной области, в которой стоит человек как человек, было выбрано слово «вот-Бытие»³⁵.

В целях уяснения полного смысла этого и других высказываний М. Хайдеггера о Dasein следует иметь в виду, что этой категорией и соответствующей концепцией задается фундаментальный отход от всей классической новоевропейской философии (начиная с Декарта). Отход от «субъективизма» новоевропейского стиля мышления вплоть до Гуссерля! Действительно, начиная с Декарта, субъект, т. е. позиция Человека, рассматривается в качестве особого вида трансцендентального сущего как «вещь мыслящая», т. е. с особым свойством мышления (сознания), но в одном ряду сущего. Бытие человека было выделено гносеологически в качестве «всезнающего» (в принципе), познающего, охватывающего своим умственным взором весь мир и способного понять его (классический рационализм). Но тем самым этот абсолютный субъект сам как бы оставался вне поля зрения относительно его онтологической характеристики. «Дело в том, что Я, сознание, личность включаются в метафизику так, что как раз Я-то и не ставится под вопрос... суть в том, что Я и сознание утверждаются как раз в качестве надежнейшего и бесспорнейшего фундамента... само Я становится фундаментом всякого дальнейшего вопрошания»³⁶. Как известно, даже у Гуссерля трансцендентальная субъективность является основанием «сущностного» размышления о вещах. Отход от этой традиции состоит в том, что человеческое существование не рас-

³⁴ Бакрадзе К. С. Интересная работа о Хайдеггере // *Вопр. философии*, 1964, № 12, 164.

³⁵ Хайдеггер М. Послесловие к обзору «Что такое метафизика» // *Работы М. Хайдеггера по культурологии и теории идеологий (европейский нигилизм)*. Сб. обзоров АН СССР. М., 1981, 128. В другом месте Хайдеггер поясняет: «Человек существует таким образом, что он есть «вот» Бытия, то есть его просвет. Это — и только это — «бытие» светлого «вот» отмечено основополагающей чертой...» (см.: Письмо о гуманизме. Там же, 324).

³⁶ Хайдеггер М. Основные понятия метафизики // *Вопр. философии*, 1989, № 9, 156.

смачивается более в качестве гносеологического демиурга. Наоборот, «сущностная область человеческого бытия» трактуется как особый вид явления, «открытости» самого бытия. Эта открытость («стояние в истине») гарантируется человеческим присутствием, которое само по себе «весомее» всего остального сущего, которое не есть вещь среди вещей, но «состоит» из возможностей, «проектов», дающих реализованную явление всему Бытию. «Тем самым был взорван весь субъективизм новейшей философии»³⁷.

Отход Хайдеггера от классического рационализма («субъективности»), на наш взгляд, выражается в следующем. Во-первых, постановка вопроса о статусе познающего субъекта в определенном смысле «оборачивается». Речь идет не о выявлении еще одной характеристики «понимающего» субъекта, но об онтологической основе любого понимания (мышления) вообще³⁸. Онтологическое основание ищется в контексте древнегреческой идеи первоначального единства бытия и мышления (мышление и язык как вид «упорядочения» бытия); во-вторых, найденное онтологическое основание конституируется на базе различения сущего (существующего) и Бытия: вещи из хаоса Ничто вступают в реализацию существования (определенного бытия) — «в свет Бытия», т. е. получают определенную структурированность только при наличии («Вот») особого рода бытия, или сферы «раскрытости» Бытия (Dasein). Мир сам по себе не структурирован³⁹ или структурирован всеми возможными (в принципе) способами. Структурированность (определенный «вид») мира относительна. С позиций марксизма о структурированности мира следует говорить по отношению к «мощности» практики, практической деятельности общественного человека. М. Хайдеггер, на наш взгляд, идет дальше в том смысле, что предлагает вообще не определять референта структурированности (вид практики, сознание трансцендентального субъекта), но маркировать его самим Бытием, вернее — его (Бытие) определенным «поворотом», «Судьбой», как он отмечает в своих последних работах («путях», но не творениях! — так М. Хайдеггер называет результаты своего творчества). Привилегированность человека, по Хайдеггеру, состоит в том, что он (возможно даже «случайным», т. е. «привходящим», эпифеноменальным и т. д. образом) «оказывается» именно таким бытием (сущим), которое реализует «истину Бытия». (Ниже будут рассмотрены современные естественнонаучные реализации идеи привилегированности человека («наблюдателя») на примерах принципа антропности и роли субъекта в квантовомеханическом описании физической реальности.)

В целях разъяснения нашей интерпретации Хайдеггера рассмотрим некоторые импликации марксистской мысли, специфическим «развитием» которых, как нам представляется, служат идеи Хайдеггера.

В ранних рукописях 1844 г. К. Маркс, анализируя сущность человека, устанавливает, что он есть не только природное существо, но и для-

³⁷ Гадамер Х.-Г. Истина и метод. М., 1988, 308. Далее автор поясняет: «В действительности возобновление вопроса о бытии — задача, которую поставил перед собой Хайдеггер. — означает, что он в глубине «позитивизма» феноменологии распознал нерешенную основную проблему метафизики, которая в своей последней кульминации скрывалась в понятии духа, как он мыслился спекулятивным идеализмом. Хайдеггер шел поэтому через критику Гуссерля к онтологической критике спекулятивного идеализма» (там же, 309). Именно поэтому современные специалисты называют работу «Бытие и время», как и всю систему Хайдеггера, «скандалом для ученика Гуссерля», каковым первоначально являлся ее автор. (См.: Бибихин В. В. Предисловие к публикации // Вопр. философии, 1989, № 9, 111.)

³⁸ «...Целиком перевернута была сама идея обоснования» (Гадамер Х.-Г. Истина и метод, 308).

³⁹ «Вещь, согласно Хайдеггеру, сама по себе ничто... В своем «наличном существовании» вещи не имеют структуры, это хаос... Вещи сами по себе не имеют смысла, структуры, они «ничто», и только человеческое существование придает им определенность» (Бакрадзе К. С. Интересная работа о Хайдеггере, 165—166).

себя-сущее (*für sich selbst seiendes*), строящее свои собственные чувства и свою сущность. Этой спецификой «для-себя» природа не обладает. Но как раз поэтому имеет смысл противопоставление природы «для-себя» и природы «для-Человека»: «Но и природа, взятая абстрактно, для себя, в оторванности от человека, фиксированная, есть для человека ничто»⁴⁰. Мысль о Ничто природы, взятой в ее абстрактной фиксированности «для-себя», развивается Г. В. Плехановым в том смысле, что вещи сами по себе имеют якобы какой-то неизвестный нам «вид». «Но ведь «вид» есть только именно результат действия на нас вещей самих по себе; помимо этого действия, они никакого «вида» не имеют»⁴¹. Можно вспомнить также мысль Энгельса о том, что бытие вообще есть открытый вопрос, с той границы, где прекращается наше поле зрения.

В советской философской литературе дальнейшее развитие проблемы соотношения природы «самой по себе» и позиции человека, связано с концепцией деятельности. Исходной служит мысль Маркса о том, что ни природа в объективном смысле, ни природа в субъективном смысле не дана непосредственно, сама по себе человеку адекватным образом⁴². Природа, действительность выступают под формой деятельности, практики, следовательно, реальное содержание «само по себе» познается также под формой деятельности общественного человека: «Все определения природы самой по себе суть прямо и непосредственно определения очеловеченной и очеловечиваемой природы»⁴³. И, наконец, наиболее четко идея определенности существования объектов относительно «контекстов деятельности» (на основе диалектической интерпретации методологии дополнительности Бора в квантовой механике) выражена покойным советским философом И. С. Алексеевым⁴⁴. В. И. Ленин (при разборе идей Плеханова) в принципе не возражал против постановки вопроса о том, что вещи, помимо действия на нас, никакого «вида» не имеют, но резко осуждал вывод о несуществовании вещей природы независимо от человека и его деятельности⁴⁵. Как раз в этом пункте, как отмечает К. С. Бакрадце, происходит расхождение между марксизмом-ленинизмом и концепцией Хайдеггера: «Применение, употребление вещи уже предполагает и наличие. Ветер как ветер существует независимо от того полезно для человека напряжения, которое он вызывает в парусе, и гора существует независимо от ее употребления в качестве каменоломни»⁴⁶. Нетрудно заметить, однако, что здесь определенность существования (относительность которой утверждается по Хайдеггеру и Алексееву) незаметно подменена употребляемостью, «сподручностью» вещи. Но ведь это не одно и то же! И не о «сподручности» вещей идет речь, но об их «вот-так-ом-существовании». Далее, на приведенную реплику К. С. Бакрадце о существовании ветра, гор и т. д. имеется ответ М. Хай-

⁴⁰ На наш взгляд, канонический перевод этой цитаты (см.: *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.*, 42, 172) не совсем точен: «для себя» передано словом «изолированно» (что сильно сужает смысл понятия), фраза сконструирована так, что пропадает мотив «природы для-себя». Приводим оригинальный текст: „Aber auch die Natur, abstrakt genommen, für sich, in der Trennung vom Menschen fixiert, ist für den Menschen nichts“ (*Марх, К. Ökonomisch-philosophische Manuskripte. Leipzig, 1968, 252*).

⁴¹ *Плеханов Г. В. Избр. филос. произв.*, I. М., 1956, 480.

⁴² *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.*, 42, 164.

⁴³ *Ильенков Э. В. Об эстетической природе фантазии // Вопр. эстетики, вып. 6. М., 1964, 77.*

⁴⁴ «В различных контекстах деятельности объекты-вещи обнаруживают различную определенность своего существования — объект существует по-разному в разных деятельности» (*Алексеев И. С. Концепция дополнительности, ее сущность и философская интерпретация // Квантовая механика и философские проблемы современной физики, 1976, № 11, 49*).

⁴⁵ *Ленин В. И. Полн. собр. соч.*, 18, 80.

⁴⁶ *Бакрадце К. С. Интересная работа о Хайдеггере, 166.*

деггера: река Рейн («чистый»), на которой стоит водяная мельница, и Рейн, встроенный в плотину электростанции, «чудовищно» разные вещи⁴⁷. И сейчас — в эпоху всеобщего экологического кризиса — это нам становится особенно понятным.

3.3. Позиция Человека и проблема сознания

Нет ничего полностью произвольного.

Г. В. Лейбниц

Привилегированность позиции человека («человеческого присутствия» по Хайдеггеру), а также особая роль сознания «наблюдателя» в описании физической реальности реализуются в современной научной методологии наиболее выпукло в т.н. принципе антропности, в особенности — в интерпретации этого принципа с позиций специфики квантовомеханического описания реальности (на основе концепции дополненности Бора). Данная интерпретация выдвинута физиком-квантовиком Дж. А. Уилером (известным как раз своими «сумасшедшими» идеями в области современной физики и философии физики) и получила название точки зрения (или принципа) «участия». С этой экзотической точки зрения, бытие Вселенной (тот или иной ее конкретный «вид») есть результат «акта участия наблюдателя» (или другого регистрирующего устройства) в процессе самоосуществления Вселенной, «ввергающей себя в бытие посредством актов участия». (Вполне в духе реализации «истины Бытия» по Хайдеггеру).

Сама по себе идея, заложенная в современном принципе антропности, собственно говоря, стара, как мир: утверждение наличия определенной корреляции между структурой Вселенной и существованием человека⁴⁸. Действительно, само событие акта мышления (событие, отличное от своего же собственного содержания) уже предполагает, что сам мыслящий должен быть в наличии, должен «состояться», быть исполнен. Этим предполагается, что Вселенная должна была быть такой, чтобы наше присутствие и сознание состоялись — вполне в духе принципа антропности. Это тривиально. Действительная проблема заключена в понимании и толковании того почти невероятного обстоятельства, что условия осуществления факта «человеческого присутствия» были с самого начала «обеспечены» с высокой степенью точности (как это утверждает современная наука)⁴⁹.

Интерпретация аргумента антропности Дж. А. Уилером основывается на вышеупомянутом факте цельности, неделимости квантового явления (квантовый постулат). Согласно этому постулату, осуществление физического квантового явления («редукция волнового пакета») происходит в определенный момент процесса измерения, когда реализуется одна из возможностей поведения микрообъекта в тех или иных внешних условиях. Прибор и «наблюдатель» регистрируют этот факт редукции и тем самым доводят физический процесс до полноты, явленности. Без редукции на завершающей стадии эксперимента (стадии регистрации) не имеет смысла говорить (с точки зрения квантовомеханического описания реальности) о существовании физических процессов вообще. (Квантово-

⁴⁷ Хайдеггер М. Вопрос о технике // Новая технократическая волна на Западе. М., 1986, 52.

⁴⁸ Еще Г. В. Лейбниц развивал мысль о том, что появление человека (и разума) не может трактоваться как случайное. Есть гарантии того, что должен был реализоваться тот ряд бытия, «в котором могло осуществиться более всего различимой мыслимости» (Лейбниц, Соч., 1. М., 1982, 235).

⁴⁹ См.: Розенталь И. Л. Физические закономерности и численные значения фундаментальных постоянных // Успехи физических наук, 1980, 131, вып. 3, 239. О концепции Уилера см.: Балашов Ю. В. «Антропные аргументы» и современная космология // Вопр. философии, 1988, № 7, 123—124.

механическое описание само по себе дает нам лишь картину «поведения» возможностей («потенциальных возможностей» по Фоку) того или иного исхода реализации квантовых процессов). Поэтому, по Уилеру, «вид» реальности конституируется самим актом установления факта редукции («сведения») волновой функции к фактически полученному результату. Поскольку акт редукции регистрируется «наблюдателем», постольку правомерен «взгляд, по которому наблюдатель столь же существен для появления Вселенной, как и Вселенная для появления наблюдателя»⁵⁰.

Для специалистов, знакомых со стилем мышления в духе концепции дополнительности Бора, точка зрения Уилера не представляется столь абсурдной, как это может показаться с первого взгляда. Дело в том, что речь не идет о «творении» Вселенной наблюдателем, сознанием или прибором. Утверждается, на наш взгляд, специфический — по сути, феноменологический — поворот направления исследования и объяснения. С позиций современного понимания физических процессов микромира на основе квантовомеханического описания реальности (при помощи волновой функции, уравнения Шредингера и факта «редукции»), и столковать факт уникальности «человеческого присутствия» (факт Dasein и открытости Бытия по терминологии Хайдеггера) можно в духе феноменальности подхода к физическим процессам, т. е. подхода к ним как к феноменам. Результатом феноменологического способа анализа являются следующие констатации:

1) во Вселенной (вернее, в хаосе-конгломерате нереализованных возможностей) изначально заложены многие возможные «варианты» ее конкретной реализации, которые — в том или ином смысле — существуют;

2) тот конкретный «вид» Вселенной», который явлен для нас, представляет собой одну из возможностей реализаций первоначального конгломерата относительно нашей позиции (положения) как людей (макросуществ), относительно нашей способности «находиться в открытости Бытия» (по Хайдеггеру), или относительно нашего типа и «мощности» деятельности (по Алексееву);

3) другие возможные реализации «вида» Вселенной наличествуют для иных видов деятельности (и для их соответствующих референтов в смысле Dasein);

4) такая постановка вопроса (феноменологический и «дополнительностный» подходы) позволяет выявить специфическую особенность нашего мышления, сознания — «скандал фактичности».

Первая констатация основана на странных особенностях квантовомеханического формализма (при описании физической реальности), установленных американским физиком Х. Эвереттом еще в 1957 г.⁵¹

Согласно Х. Эверетту, квантовомеханическое описание замкнутой

⁵⁰ Wheeler, J. A. Genesis and observership // Foundational Problems in the Special Sciences. Dordrecht, 1977, 27.

⁵¹ Everett, H. "Relative state" formulation of quantum mechanics // Reviews of Modern Physics, 1957, 29, N 3. В 1950 г. (более 30 лет назад!) на эту статью обратил мое внимание профессор Тартуского университета П. Г. Кард. В результате под его руководством была выполнена моя дипломная работа «Современная интерпретация квантовой механики» (Тарту, 1959), где целая глава была посвящена интерпретации теории Эверетта и ее гносеологическим следствиям. В то время П. Г. Кард пророчески предсказал, что эта интерпретация вызовет дискуссию в будущем. Так и произошло: в настоящее время теория Эверетта является одним из первоисточников физической методологии. Опубликовать стимулированные покойным проф. П. Г. Кардом мысли по поводу интерпретации эвереттовской теории мне удалось лишь в 1965 г. (но и в то время об этой интерпретации почти ничего не было известно; см.: Хютт В. П. Абсолютность и относительность в интерпретации квантовой механики // Уч. зап. Тартуск. ун-та, 1965, вып. 174, 48—51).

Вселенной, включающей в себя и «наблюдателя», демонстрирует относительность каждой возможной «реализации» Вселенной для соответствующего «наблюдателя» (интерпретация «с точки зрения относительности состояний»). Если же сюда «подключить» процесс «редукции» волновой функции в соответствии с обычной (копенгагенской) точкой зрения, то получим интерпретацию Уилера. Тем самым «данный» вид Вселенной объявляется единственно реальным, тогда как по Эверетту все возможные виды реализации Вселенной «одинаково реальны», так как в равной мере подчиняются уравнению Шредингера. В обоих случаях философское значение физико-методологических идей Эверетта и Уилера состоит в том, что они констатируют феномен привилегированности, «выделенности» позиции человека и сознания, мышления при феноменологическом подходе к процессу познания и научному знанию.

Привилегированность сознания подчеркивается четвертой констатацией — феноменом фактичности, «скандалом фактичности разума», как окрестил его М. К. Мамардашвили. Этот феномен бытийной укорененности сознания был упомянут в связи с анализом глагола «быть» (см. первый раздел). Фактичность сознания (мышления) выражается в следующих трех моментах.

Во-первых, принцип преданности знания (мысли). В истории философии известен парадокс знания — прежде, чем что-то знать, я должен знать, что именно я должен знать (о чем я должен знать)⁵². Оригинальные свои мысли, идеи приходят внезапно, недетерминированно, сразу, вдруг и «принимаются» (адекватно и полностью понимаются), как будто они (идеи) были «уже предзаданы» (отсюда обоснование теории «воспоминания» Платона). Поэтому, если человек «уже не понимает» чего-либо, то и не поймет адекватно (в том смысле, в котором ребенок «не поймет» сути сексуальных отношений взрослых, сколько бы ему их ни «объясняли»).

Во-вторых, факт нераздельности (неразличенности) этой внезапной мысли от Я (мыслящего), решимости Я на те или иные действия от самого акта решения, в котором репрезентирована экзистенциальная позиция человека и реализована «открытость бытия» (по Хайдеггеру). Этим, в частности, объясняется то известное обстоятельство, что невозможно мыслить о чем-либо и одновременно мыслить о том, как я мыслю, мыслить о мышлении. Только постфактум субъект может осознать данное движение «мысли-в-бытии» при помощи «гносеологических наростов» собственной рефлексии. Результатом такого «стояния в ситуации мышления» является полная переориентация человека относительно сути («истины») текущей действительности окружающего мира⁵³.

В-третьих, принцип действенности. Неразличенное от самой мысли наличие решимости побуждает человека к действию

⁵² «... Этот принцип давно сформулирован в философии. Самая четкая формулировка его принадлежит Декарту, который подчеркивал наличие в сознании особых непосредственно данных знаний о целом, к которым мы могли бы прийти, лишь проделав бесконечно большое количество познавательных шагов. А они каким-то образом даны непосредственно». Интервью с М. К. Мамардашвили (см.: *Вопр. философии*, 1989, № 7, 143). М. К. Мамардашвили, рассуждая о принципе антропности, выражает и преданность знания, «неожиданность» мысли.

⁵³ В контексте художественного способа мышления этот момент хорошо передан М. Булгаковым. В сцене окончательного вынесения приговора Га-Ноцири (Христу) Пилатом последнего поразила «непонятная тоска» и «мелькнувшая как молния и тут же погасшая какая-то короткая другая мысль». Эта мысль (о бессмертии) осталась им непонятной, «заставила его похолодеть на солнце». Более того: «Тут он оглянулся, окинул взором видимый ему мир и удивился происшедшей перемене. Пропал отягощенный розами куст...» (*Булгаков М. Мастер и Маргарита*, 193).

(зачастую неосознанно), которое в результате оказывается не просто действием, но исторически значимым деянием⁵⁴.

Особенности феномена фактичности показывают, что бытийно укоренившиеся мысли (содержание сознания) зачастую неосознаваемы, не даны непосредственно в рефлексивном сознании. Эти элементы сознания скрыто присутствуют в социальной памяти. Методологическое значение концепции социальной памяти Ребана заключается в данном случае в том, что на ее основе можно показать место и роль «бытийной мысли»: она предстает действительным регулятором поведения людей на основе таких скрытых ценностных установок, которые (в противоположность осознанном в рефлексированном знании) «не транслируются непосредственно знаниями, осознанно»⁵⁵.

*

Установленные в статье глубинные особенности структуры сознания (два типа сознания — рефлексированное и «бытийное», феноменологичность явлений сознания, в особенности феномен фактичности) позволяют «высветить» интимные механизмы участия сознания в регуляции социальной реальности. Это имеет определенное значение при оценке процессов реализации национального самосознания, где обычные методы классической просветильско-пропагандистской работы явно не срабатывают. «...Национальное сознание — его интернациональную или националистическо-шовинистическую направленность — формируют, кроме воспитательной работы, различные глубинные процессы — экономические, демографические, культурные, образовательные и т. д. В этом смысле все наше социально-экономическое и культурное развитие находится в прямой зависимости от национальных процессов и взаимоотношения наций»⁵⁶. О необходимости учета механизмов «задействия» данных глубинных процессов посредством их реализации через «бытийное» сознание говорят вышеприведенные выводы.

Для дальнейшего междисциплинарного (полидисциплинарного) исследования структуры сознания имеют значение некоторые новые аспекты проблемы как эвристические и, следовательно, приоритетные на данный момент: онтологический подход на основе феноменологического метода (в частности, методологии Хайдеггера), философский анализ художественно-словесного творчества, историко-философский подход, аспект философии деятельности.

⁵⁴ Впечатляющим примером является замечательный эстетико-психологический феномен научного творчества, который известный историк науки А. Койре удачно определил как «одержимость округленностью». В соответствии с этим феноменом, круг (или шар) представляет собой образец объяснительного принципа для многих физических (в частности, астрономических — движение планет) явлений. Принцип «совершенства» круга (шара) восходит к парменидовской философии (абсолютное Бытие у него подобно «хорошо закругленному шару»). Платону приписывается требование «соблюдения явлений» на небе на основе принципа круговых движений светил. Этот принцип держался в астрономии (и физике) вплоть до Галилея и Кеплера. Мало известен тот факт, что галилеевское инерционное движение есть движение по большому кругу Земли. Кеплер же объяснял «уклонение» движения планет от кругового их «несовершенством» как материальных тел («по идее» они должны бы двигаться по кругу!). Об «одержимости округленностью» см.: *Панофский Э. Галилей: наука и искусство // У истоков классической науки. М., 1963, 13—34.*

⁵⁵ *Rebane, J. Väärtushoiakute determinatsioonist sotsiaalses mälus // Eesti TA Toim. Ühisk., 1988, 37, nr. 4, 300.*

⁵⁶ См.: *Rebane, J. Rahvusprotsesside ja rahvusühete arengu probleeme. Rahvusprotsesside põhijooned Nõukogude Eestis. Tallinn, 1989, 70.*

Феномен фактичности сознания играет особую роль для национального самосознания малых наций (народов, этносов) в эпоху их ренессанса: сам этот ренессанс для малых народов фундируется прежде всего и главным образом социальной памятью нации относительно существования и «работы» его собственного сознания-Бытия.

Представил Я. Ребане

Институт философии, социологии и права
Академии наук Эстонии

Поступила в редакцию
16/1 1990

Vladimir HUTT

INIMISE EKSISTENSI KATEGOORIA M. HEIDEGGERI FILOSOOFIAS JA TEADVUSE INTERDISTSIPLINAARSUSE PROBLEEM (M. Heideggeri 100. sünniaastapäevaks)

Artiklis on vaadeldud teadvuse probleemi mitteklassikalisest polüdistsiplinaarsest seisukohast, kasutades fenomenoloogilist, ajaloolis-filosoofilist ja loodusteaduslik-metodoloogilist käsitlust (N. Bohri komplementaarsusideed). Kogu analüüs on seotud inimese eksistentsi (*Dasein*'i) mõistega M. Heideggeri varases fenomenoloogilises kontseptsioonis. (Vt. M. Heidegger «*Sein und Zeit*», 1927.)

1. Teadvus olemise struktuuris: M. Heideggeri poole pöördumise aktuaalsus

Tänapäevane teadvusprobleemile lähenemine nõuab teadvusfenomeni kahe kihi eristamist. Esimene — reflektiivne kiht (teadvus kui tegelikkuse peegeldus) ja teine — fundamentaalne kiht (teadvus kui olemise eriline vorm, kui Marxi *bewußtes Sein*, lühidalt — *teadvus-olemine*). Kaua enne eksistentsialismi tekkimist esitas teadvuse niisuguse tõlgenduse põhimomendid K. Marx oma «*Kapitalis*» (1867). Teadvus on vaadeldav suhteliselt iseseisva fenomenina nn. esemelis-reduktiivse meetodi alusel. Marx näitas, et teadvus-olemine realiseerub omapärastes kvaasiasjades. Tavaliste asjade kõrval ja nende kaudu tekivad reflektiivsed asjad (näit. kaubaväärtus), milles on kätke- tud objektiivse mõtlemise vormid kui teadvus-olemise toime tagajärjed. Nende reaali- deaalsete fenomenide tähistamiseks kasutas Marx terminit *ideell*, mitte *ideal*, mis märgib reflekteeriva teadvuse eksisteerimise vorme — teadmisi, kujundeid.

On näidatud, et nende reaali-ideaalsete moodustiste mehhanismidel (need olid sõnas- tatud Marxi poolt) on heuristiline tähtsus teadvusfenomeni lahtimõtestamisel. Lisaks on need olulised uurimuste puhul, mis käsitlevad M. Heideggeri konstruktsiooni aluseid seos- es inimolendi olemasolu privilegeeritusega (*Dasein* on oma eksistentsi poolest privile- geeritud olukorras teiste asjade ja eksistentsivormide suhtes).

2. *Dasein*'i eeldused

On analüüsitud järgmisi *Dasein*'i kontseptsiooni eeldusi:

2.1. Fenomeni ja fenomenoloogilise meetodi mõiste. On näidatud, et tänapäeva teadus- metodoloogia väljapaistval ideel — N. Bohri komplementaarsuse mõistel ja sellega seotud asjaoludel — on oluline analoogia fenomenoloogilise lähenemisviisiga. Fenomeni mõistele vastab N. Bohri idee kvantnähtuste jagamatuse ja tervikkuse kohta (nn. fenomenoloogiline *epohe* on suuresti analoogiline komplementaarsprintsibiiga). Järelikult on see *Dasein*'i eeldus tänapäeva teadusmetodoloogia seisukohalt ühtlasi selle kontsept- siooni põhjendus.

2.2. Vanakreeka filosoofi Parmenidese (6. saj. e.m.a.) olemise ja mõtlemise identsuse printsip. Selle printsibi analüüs filosoofia spetsialistide, eriti M. Heideggeri poolt näi- tab, et asja tuum on teadvuse ja mõtlemise spetsiifiline käsitlus vanakreeka kultuuris ja Sokratese-eelses filosoofias: need fenomenid ei ole reflekteeriva teadvuse aktid, vaid pigem tervikliku (inim) olemise fenomenid.

2.3. Tõe mõiste vanakreeka Sokratese-eelses filosoofilises traditsioonis ja Heideggeri interpretatsioon selle kui olemise avatuse fenomeni (*aletheia*) kohta.

Eelduste analüüs tõestab, et *Dasein*'i mõiste on tihedalt seotud teadvusfenomeni sel- lise lahtimõtestusega, mille järgi teadvust käsitletakse kui olemise vormi, kui teadvus- olemist.

3. *Dasein*'i kontseptsioon ja teadvuse probleem

Dasein'i mõiste analüüsi põhjal on näidatud selle kontseptsiooni tähendust ja rele- vantsust tänapäeva teadvuse (kui fenomeni) problemaatikale. Nn. antroopsprintsip (Wheeleri tõlgenduses) ja kvantmehaanika interpretatsioon (Everetti versioon) on ole-

muslikult seotud teadvusfenomeni (teadvus-olemise) mõistega. Selle interdistsiplinaarse lähenemisviisi alusel on võimalik konstateerida teadvus-olemise unikaalset omadust — teadvuse faktilisuse fenomeni, mida on artiklis avatud mitmest aspektist.

Teadvuse faktilisuse fenomen on eriti tähtis just väikerahvastele (etnostele): nende eksistentsiaalne taassünd on suurel määral seotud selle teadvus-olemisega, mis elab nende sotsiaalses mälus.

*Eesti Teaduste Akadeemia
Filosoofia, Sotsioloogia ja Õiguse Instituut*

Toimetusse saabunud
16. I 1990

Vladimir HUTT

THE CONCEPT OF HUMAN EXISTENCE IN HEIDEGGER'S PHILOSOPHY AND THE PROBLEM OF INTERDISCIPLINARITY OF CONSCIOUSNESS

(On the occasion of the centennial of M. Heidegger)

The article deals with the problem of consciousness on the basis of a non-classical polydisciplinary approach — phenomenological, historico-philosophical, and methodological (N. Bohr's complementarity). The research is connected with the concept of human existence (*Dasein* = "being-there") in early Heidegger's phenomenological theory (see *Sein und Zeit*, 1927).

1. The consciousness in the structure of reality: turning to Heidegger is well-timed

The contemporary approach to the problem of consciousness demands the differentiation of two levels of this phenomenon. One is the ordinary reflectory level (consciousness as a reflection of the reality), the other is the fundamental existential level (consciousness as an element, or an aspect of the reality itself, as *bewußtes Sein* (Marx), — in short, "consciousness-being").

Long before existentialism appeared K. Marx utilised the main features of such understanding of consciousness in his *Kapital* (1867): consciousness is looked upon as a relatively independent phenomenon on the basis of the so-called *gegenständlich-reduktive Methode*. He demonstrated that the activity of consciousness had been realised in specific "quasi-things". Along with the ordinary things and via the latter "reflective things" are formed, in which "objective thought forms" are represented as a result of "consciousness-being" activity. K. Marx marked these "ideally-real" forms by the term *ideell*, not *ideal* which usually marks reflective forms of consciousness (knowledge, image).

The research demonstrates that mechanisms of these formations (which were formulated by Marx) are of heuristic importance for the understanding of consciousness from the phenomenological point of view. At the same time these mechanisms are relevant to those investigation tendencies which were used by Heidegger as basis of his theory of *Dasein* (esp. human existence as a priveleged being).

2. Premises of *Dasein*

The following premises of the *Dasein* concept are analysed:

- (1) the concept of phenomenon and the phenomenological method. It is demonstrated that these elements are essentially analogical to N. Bohr's idea of complementarity in the contemporary methodology of science;
- (2) the principle of the identity of being and thought in the system of ancient Greek philosopher Parmenides (6th c. B. C.);
- (3) the concept of truth in Early Greek philosophy and its interpretation by Heidegger as openness of being (*Unverborgenheit*).

3. The category of *Dasein* and the problem of consciousness

The analysis of the concept of *Dasein* shows the relevance of this construction to the contemporary methodological problems of the phenomenon of consciousness. In this connection the anthropic principle (in Wheeler's interpretation) and the interpretation of quantum mechanics from the point of view of the "relativity of states" by Everett are analysed. Such an interdisciplinary approach allows us to formulate the principle of factuality of consciousness, which expresses the peculiar features of consciousness-being.

*Estonian Academy of Sciences,
Institute of Philosophy, Sociology and Law*

Received
Jan. 16, 1990